

Концептуализация камин-аута позволяет актуализировать проблему социального происхождения гомосексуального субъекта, определив методологические и методические возможности стратегии нарративного исследования.

Литература

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб. 1998.
2. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2004. №6-7. С.56-75.
3. Crawley, S.L. & Broad, K.L., “Be your [real lesbian] self: Mobilizing sexual formula stories through personal (and political) storytelling”. *Journal of Contemporary Ethnography*. 33 (2004). P. 39-71.
4. Plummer K. *Telling sexual stories: Power, change, and social worlds*. New York: Routledge. 1995.
5. Plummer K. *Documents of life: An invitation to a critical humanism*. London: Sage. 2001.

Ольховикова С.В.,
г. Екатеринбург

МИФ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Миф является универсальным элементом культуры человечества, более того, миф и культура – единое, нерасторжимое целое и, в некотором смысле, то, что является источником Мифа, и есть причина Культуры. Оставаясь самим собой, миф трансформируется в культуре, принимая актуальные для

конкретной культурной ситуации формы. Современный миф по сравнению с древним не является тотальным, с одной стороны, он имеет границы. И, с другой, современный миф, в отличие от древнего, вторичен по отношению к другим формам сознания. Он скрыт от человека, имплицитно присутствует в современной культуре.

Проблема обнаружения границ современного мифа состоит, на наш взгляд, в проблеме соотношения рационального и иррационального, мифа и рациональности в мышлении современного человека. Такая постановка проблемы есть, по словам Гадамера, выражение двуполюсности современного мышления, которое питается, с одной стороны, идеалами Просвещения, а, с другой, философией немецкого романтизма [1, 92-93]. Противопоставление мифа и разума есть просветительская постановка вопроса, так как при этом понятие «миф» трактуется как нечто, противостоящее рациональному объяснению мира и противоречащее ему. Движение «от мифа к логосу» выглядит при этом исторической закономерностью. Именно в «расколдовывании мира», в движении к рациональной картине мира видел М.Вебер закон развития истории. Насколько это движение было неоднозначным уже в рамках греческой философии, думается, очевидно, а схема «расколдовывания мира» не есть всеобщий закон развития, но сама она – лишь факт истории. Претензия разума на абсолютность стала очевидно несостоятельной уже в XIX веке. Разум сам существует лишь в конкретно-исторических формах. Решение этой проблемы возможно при выявлении, во-первых, специфики мифомышления, его отличия от рационального, логического мышления. Во-вторых, необходимо рассмотреть возможности рационального изучения мифа при его очевидной вненаучности.

Исследование логики мифомышления, казалось бы, подтверждают эту несовместимость, указывая на «особость», отличие мифомышления от рационального способа постижения действительности. В связи с этим

исследователи мифа говорят о двух принципиально разных парадигмах мировосприятия и миропознания [2, 160-174].

В рамках рациональной парадигмы основой суждений являются показания чувств. Любое суждение является истинным, если оно может быть проверено опытным путем и не противоречит логике с ее законами причинно-следственных отношений. Описание (дескриптивизм) является одним из главных операционистских инструментов в познавательной деятельности, характерной для этой парадигмы. При этом исследуемое явление описывается как нечто, в полной мере постигнутое, познанное. Другим, не менее важным инструментом, является дефиниция. Понятие должно быть вполне проницаемым для понимания и вполне однозначным. При этом все в мире существует как бы само по себе, каждый компонент структуры может изучаться отдельно, вне соотнесенности с целым, что задает дискретный взгляд на мир. Отношение к разуму как главному средству познания определил взгляд современной науки на миф – взгляд атеиста на религию. В этом есть преимущество – отстраненность и непредвзятость, но и ограниченность. Для современной науки миф есть фольклор, этнографический артефакт.

Ключевым моментом для мифологической парадигмы является представление о двух реальностях. При этом видимая реальность есть отражение высшей реальности, превосходящей первую во всех отношениях. В основе способа познания лежит особый вид созерцания, во время которого познающий как бы соединяется с познаваемым. Отправным моментом здесь является, во-первых, представление о нерасчлененности всего сущего и представление о том, что в процессе созерцания человек как бы растворяется в Мироздании; во-вторых, идея единства прошлого, настоящего и будущего времени. Разум воспринимается как одна из познавательных способностей, которая имеет как достоинства, так и недостатки. Так, подчеркивалось его расчленяющее начало. Если логика есть орудие показательное, описывающее, то интуиция есть орудие открывающее.

Сходным образом оценивал возможности разума К.Г. Юнг, который был убежден в том, что «разум устанавливает границы слишком узкие, он приемлет только известное, и то с ограничениями. И такая жизнь – в известных рамках – выдает себя за жизнь действительную... Абсолютная власть разума сродни политическому абсолютизму, она уничтожает личность. Целостная картина мира требует по крайней мере еще одного измерения, иначе очень многое остается непонятным и необъяснимым» [4, 370]. Познание, таким образом, согласно мифологической парадигме, не должно сводиться лишь к деятельности разума. И разум, и интуиция необходимы, но у каждого – своя функция, своя работа.

В рамках мифологической парадигмы мы имеем дело с представлениями, для передачи которых трудно подобрать адекватную лексику. Для этого существовала система символов, которые исключали однозначность толкования. Именно неоднозначность и противоречивость обеспечивает жизненность символическим формам. Таким образом, если для рациональной парадигмы главным в миропонимании является факт, то для мифологической – смысл, значение. Мифологическая парадигма, следовательно, являет собой совершенно иной взгляд на мироздание, для нее характерен иной способ познания мира, Вселенной.

Но, с другой стороны, - сама попытка на уровне понятийного аппарата объяснить эту «особость» - разве не преодолевает эту пропасть? Проблема исследования мифа изначально наталкивалась на невозможность его изучения посредством традиционных научных технологий. Объект исследования лежал за пределами рационального и, казалось, реального. Но так ли это? Не оказывались ли исследователи в плену у очередного мифа? Образ «мифического» как «фантастического», «потустороннего», «нуминозного» или «иллюзорного» подавлял и подчинял волю исследователей, и они были вынуждены признать, что все есть миф и мы «тотально обречены», либо, осознав власть мифа, пытаться его разрушить, «демифологизируя» реальность. И то, и другое есть демонстрация власти

мифа. Отрицая его реальность, «посюсторонность», невозможно осуществить его предметный критический анализ.

В сфере философии мифа такие попытки были предприняты, в частности К. Леви-Строссом, который анализировал миф с помощью понятийного аппарата семиотики с точки зрения формы. Однако, Леви-Стросс и его последователи (Р.Барт и др.) абсолютизируют форму, упуская из виду, что в мифе содержание и форма едины. Это делает их анализ неполным, односторонним. В силу этого Р. Барт подвергает структурному анализу политические мифы, не улавливая их специфики. К. Хюбнер [3, 338-342] раскрывает смысл мифа как аспекта реальности, который равноправно соседствует с другим аспектом, выражаемым наукой. Данный подход позволяет «внести миф в скобки», лишить его ореола «потусторонности». Реальность мифа в том, по Хюбнеру, что он образует контекст и структуру жизненного мира. При этом миф как форма реальности обладает приоритетом перед другими формами, ибо он не только реален, но и первичен и пронизывает все другие формы человеческой жизни. Данный подход позволяет Хюбнеру дать рациональное обоснование мифа. Рациональность для него не является онтологическим понятием, а лишь формой обоснования, и здесь наука не имеет преимущества перед мифом. Поэтому можно говорить о различных структурах действительности – мифической и научной. Миф и наука выражают двуединство современной культуры.

Но современный миф – это не только порождение культуры, но и, в том числе, плод политических, рекламных и иных технологий, что неизбежно делает его более рациональным. Данный факт позволил ряду исследователей (К. Кереньи, М. Элиаде и др.) ввести термин «неподлинные формы мифа» и «псевдомифы», так как они не могут быть рассмотрены как «прафеномены», которые спонтанно возникали или исторически передавались из поколения в поколение, а сознательно созданы для достижения определенных целей. Безусловно, политическая мифология – это «прикладная» мифология, миф

там используется как политический инструмент. Однако, «подлинные» и «неподлинные» мифы едины в том, что они имеют определенное отношение к реальности. Политики используют «подлинный» мифологический потенциал сообразно своим целям, пробуждая определенные ассоциации, затрагивая все еще живые, хоть и вытесняемые формы опыта. Это воздействие тем сильнее и доходит тем скорее до взрыва, чем сильнее было вытеснение.

Политический миф вызывает сегодня такой же страх и раздражение, какой вызывают некоторые научные проекты и достижения, но это не повод отказаться как от науки, так и от мифа вообще. Данное отношение должно осознаваться как предрассудок, которому не место в культуре XXI века. Политика неизбежно пользуется мифическими формами мышления, особенно в национальном вопросе, имеющем столь большое значение для современной мульткультурной ситуации.

Литература

1. Гадамер Г.- Г. Миф и разум // Актуальность прекрасного. М., Искусство, 1991.
2. Зубко Г.В. Миф: взгляд на Мироздание. М., Университетская книга, 2008.
3. Хюбнер К. Истина мифа. М., Республика, 1996.
4. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Львов, М., Наука, 1998.